

Иван Дудоров

Как создавалась Соловецкая школа юнг

(воспоминания юнги первого набора)

Иван Дудоров. 1940-е гг.

«АРХАРОВЦЫ»¹

Соловецкая школа юнг создавалась по приказу народного комиссара Военно-морского флота Николая Герасимовича Кузнецова, подписанному 25 мая 1942 г. Мальчики 15–16 лет в июне – июле прибыли в Архангельск из Москвы, Ленинграда, Свердловска и, в основном, из городов Поволжья. На Северной Двине, на острове Соломбала, находился экипаж² Северного флота. Он формировал различные подразделения и направлял в Учебный отряд Северного флота. Здесь новобранцы проходили карантин, медицинскую комиссию, были зачислены в Школу юнг, поставлены на продовольственное и вещевое довольствие. Получили обмундирование не по размеру. Бескозырки хлопчатобумажные — без лент. Вместо флотского ремня, на бляхе которого должны быть якорь и звёздочка, им дали тонкий брезентовый ремень. И только красная звёздочка на рукаве определяла новое социальное положение — краснофлотец.

За год войны судьбы у ребят складывались по-разному. В основном в Школу юнг направлялись по комсомольской рекомендации. Были подростки из детских домов и ребята, познавшие вседозволенность при отсутствии родительского контроля.

Группа будущих юнг, не успевших сдать гражданскую одежду, решила посетить известный базар в Соломбале. Бесцеремонность подростков создала переполох вплоть до вмешательства комендантского патруля. Командование Флотского экипажа с особой озабоченностью восприняло случившееся. Такой массовой самоволки с последствиями в истории Северного Флота еще не случалось. После возвращения ребят с базара состоялось общее построение. Строем командовал старшина 1-й статьи — боцман. Он был уже в преклонных годах, чувствовалось, что призван в военное время, успел послужить в царском флоте. Боцман командовал: «Смирно!», и следующая команда была: «С правого фланга рас-счи-тайсь!»

— Первый, второй, третий.

Старшина не только вслушивался в названный номер, но и пристально вглядывался в лицо каждого юнги, называвшего номер, держа перед собой сжатый кулак правой руки. Так он прошёл до самого шкентеля³. Повернулся, подошёл к батальонному комиссару и доложил:

— Личный состав построен полностью, потерь нет.

¹ Отчаянные, бродяги (перен.).

² Береговая воинская часть в Военно-морском флоте. Предназначена для приема, размещения и обслуживания прибывающего пополнения.

³ Короткий трос, служащий для подъема шлюпок или груза.

Комиссар подошёл ближе к строю и обратился:

— Товарищи...

Дальше он сделал паузу, думая, можно ли назвать их «краснофлотцы». Не назвал и «юнгамми» (такого звания в Военно-морском флоте не было). И повторил ещё раз:

— Товарищи! Вы прибыли служить в Военно-морской флот. Боеспособность флота всегда зависела от дисциплины и строгого выполнения уставных требований. Флот за первый год войны потерял лучших специалистов. Они ушли с кораблей сражаться в морской пехоте.

Вдруг послышалась песня:

Эх, махорочка, махорка,
Породнились мы с тобой.

Комиссар командовал: «Кругом!» Ребята увидели, что по плацу шёл строй девушек, и они пели песню:

Вдаль глядят дозоры зорко,
Мы готовы в бой, мы готовы в бой.

Комиссар снова командовал: «Кругом!»

— Видели?! Мы вынуждены сейчас призывать девушек на различные штабные и хозяйственные работы. Вас никто не призывал. Вы пришли на флот добровольцами. Если кто передумал и не хочет служить на флоте, выходите из строя. Считаю до трёх, подумайте.

Никто из строя не вышел.

— Я верю, что из вас получатся хорошие корабельные специалисты и моряки тоже. Боцман, командуйте.

Боцман сказал тихонько:

— Архаровцы, направо.

Дня через два перед строем юнг один из командиров флотского экипажа зачитал приказ Верховного главнокомандующего № 227. Впоследствии и сейчас этот приказ трактуется как «Ни шагу назад». Но таких слов в приказе не было. Там были слова другие. «Некоторые думают, что Россия велика и есть ещё куда отступить. Но если мы отдадим левый берег Волги, то можно считать, Советская Россия пала». И другая запомнившаяся фраза: «Придётся нам поучиться у своего противника: создать штрафные роты и заградительные батальоны». После заслушивания приказа ребята осознали, в каком сложном и опасном положении находится наше Отечество. И их приход в школу есть пополнение личного состава флота. Командование флотского экипажа отправило юнг к месту назначения.

Ребята перешли мост, соединяющий Соломбалу с лесобиржей, где постоянно

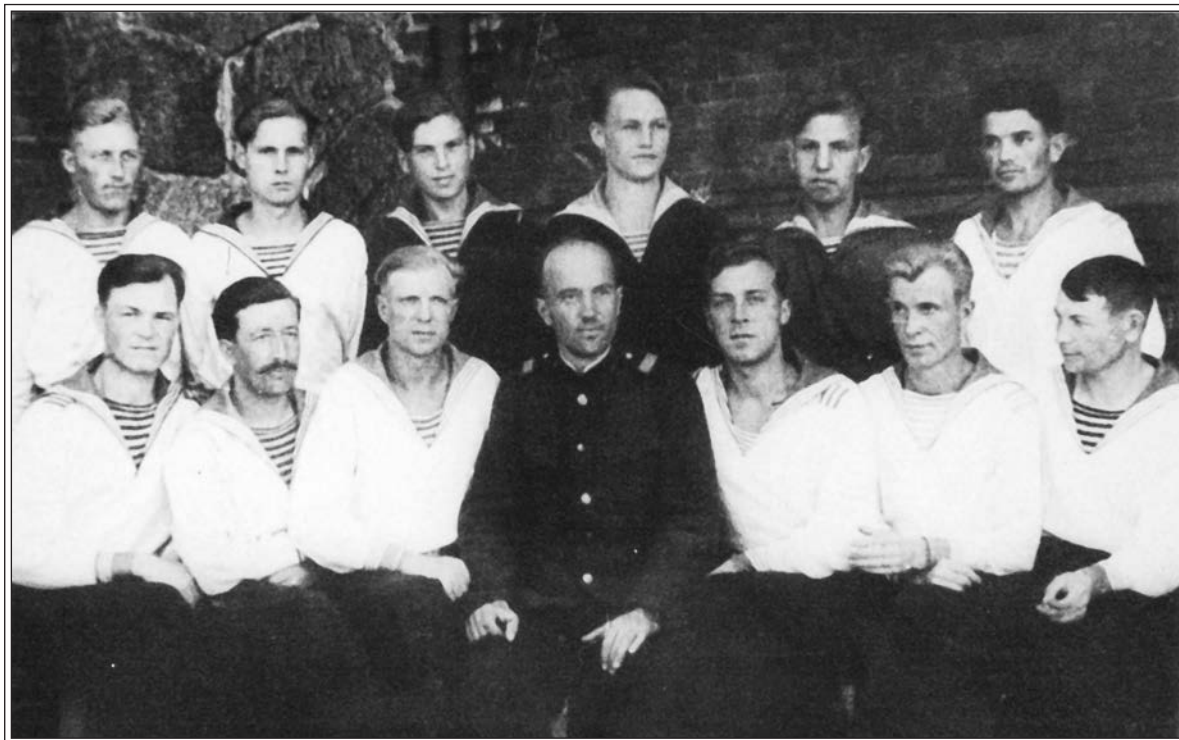
концентрируются торговые суда. Прошли дальше к причалу, куда должен подойти теплоход и забрать на борт юнг. Невдалеке стояли три английских фрегата, пришвартованные к стенке кормой. Английские корабли сопровождали очередной караван судов под кодовым названием «PQ». Скопление людей в военно-морской форме, очевидно, вызвало интерес у английских моряков. Несколько английских матросов подошли к нам, и завязалась беседа на англо-русском ломаном непонятном языке. Англичане улыбались и с насмешкой задавали вопросы. С какого корабля? Почему бескозырки без лент? Закурили и начали угощать сигаретами. Курящие брали сигареты, ведь интересно же попробовать заморский табак. Володька Летаев достал кiset, шитый шёлком. Такого кисета у него не было, очевидно, трофей с базара Соломбалы. Володька скрутил из газеты козью ножку, насыпал махорку-самосад, закурил. Скрутил другую козью ножку и предложил матросу попробовать. Англичанин, предвкушая кайф, с жадностью затянулся. Крепость самосада и никотин прошли по костному мозгу. Дым изо рта выходил вместе с усиливающимся кашлем. Наконец, он начал говорить: «Хорош, хорош!» То ли табак хорош, то ли матрос в бескозырке без ленты?

Володька кольцами выпускал изо рта дым. Он угостил другого матроса козьей ножкой, который сказал: «Сувенир, сувенир». Раскрыл портсигар, положил в него козью ножку и щелкнул крышечкой портсигара. Может быть, этот подарок до сих пор хранится в одной из семей Британского Королевства.

К причалу, где мы стояли в ожидании, пришвартовалось госпитальное судно Северного флота «Воронеж». С левого борта «Воронежа» отбросили трап, и ребята стали подниматься на верхнюю палубу. С интересом и любознательностью обследовали всевозможные надстройки, рангоут и такелаж транспорта. Внизу у трапа стоял боцман-резервист, который в Соломбале проходил вдоль строя ребят со сжатым кулаком. Сейчас он был без боцманской дудки и каждому помогал взойти на трап. Его отцовская ладонь коснулась каждого, как будто он благословлял нас.

С мостика «Воронежа» прозвучала команда: «Отдать швартовы!» Боцман снял с кнехта носовой канат и бросил в воду. Швартовые концы выбрали на палубу. Нос транспорта отвалил от причала, за кормой всколыхнулась вода, гребной винт начал работать. «Воронеж» медленно пошёл на фарватер Северной Двины. Сигнальщик на бочке доложил:

— Английский фрегат поднял трёхфлажный сигнал. Кажется, иже — и, твёрдо — т, девятка.

Старшинский состав Школы юнг. Фото музея Соловецких юнг в Москве

Сочетание этих флажков означает: «Желаю счастливого плавания». Капитан по трансляции объявил:

— Юнги, английские моряки желают вам счастливого плавания!

За всё пребывание ребят в Соломбале капитан «Воронежа» впервые назвал их «юнги». Очевидно, с этого момента на флоте начало утверждаться воинское звание «юнга». Воронеж медленно удалялся от места причала, где у кнехта стоял боцман-резервист. Он, пристально глядя в удаляющийся транспорт, тоже желал счастливого плавания своим детям-«архаровцам».

БУХТА БЛАГОПОЛУЧИЯ

«Воронеж» миновал широко раскинутое устье Северной Двины и вошёл в воды Белого моря. Юнги впервые в своей жизни с восторгом смотрели на водные просторы. К утру приблизились к Соловецкому архипелагу. Ещё издали в туманной дымке на фоне неба появились строения, соборы со шпильями, церковные купола, колокольня, как декорация сказочного града.

Вошли в бухту Благополучия, минуя небольшие скалистые острова. Рулевой ориентировался на купол надвратной церкви. Красивые резные ворота разделяли мощную монастырскую стену, которая стоит рядом с бухтой и опирается с севера и юга на приземистые патровые башни, сложенные из гранитных валунов. «Воронеж» пришвартовался левым бортом к пристани,

в глубине которой возвышался трехэтажный дом. У входа с левой стороны стоял краснофлотец с винтовкой. Напротив него с правой стороны лежал корпус авиационной бомбы. Похоже, это был штаб Соловецкого гарнизона. Командиром Соловецкого гарнизона в то время был генерал-майор береговой службы Броневицкий. Начальником политотдела полковой комиссар Грипанов. С «Воронежа» подали сходню, и юнги, кто шагом, кто бегом, начали выходить на пристань. Появился старшина 2-й статьи с одной лычкой на рукаве, брюки клёш отутюжены, на ленте бескозырки написано «Северный Флот». Старшина стал лицом к штабу, вытянул левую руку и скомандовал: «Становись!» Команда прозвучала таким повелительным баритоном, что не выполнить было невозможно. Старшина прошёл вдоль строя, остановился напротив Лёньки. Бескозырка на нём была с лентой, на которой написано «Северный Флот». Спросил:

— Откуда у вас лента на бескозырке?

— С базара Соломбалы.

— Фамилия?

— Дралок.

— Снять ленту.

— Лента моя. Я её выменял на шкары⁴, в которых приехал сюда.

— Снять. Либо пойдёте без шкар пешком до Архангельска.

⁴ Обувь.

Из штаба вышли двое: полковой комиссар и капитан 3-го ранга, начальник Школы юнг Иванов. (С весны 1942 г. начальником Школы юнг стал Н.Ю. Авраамов.) Старшина командовал: «Смирно!», подошёл к капитану 3-го ранга и доложил:

— Товарищ начальник школы, первая партия юнг прибыла на Соловецкие острова для дальнейшего прохождения службы. Старшина 2-й статьи Дьяконов.

Начальник школы подошёл к строю и начал говорить:

— Вы пришли сюда, чтобы овладеть военно-морскими специальностями, военно-морской практикой. Корабли флота нуждаются в пополнении. Народный комиссар Военно-морского флота Николай Герасимович Кузнецов подписал приказ о создании Школы юнг. Первого сентября должны начаться занятия. Школа должна подготовить мотористов, корабельных электриков, артиллерийских электриков, рулевых, радистов, боцманов, сигнальщиков. Я должен вас предупредить, что вам придётся трудно. В гарнизоне нет помещений. Нужно расположить полторы тысячи юнг. Вам придётся завтра или послезавтра совершить 12-километровый переход в Савватьево. Там будете строить школу сами. Она должна состоять из 25 землянок, каждая на 50 человек. Чертежи землянок и месторасположение их определены. Командование гарнизона и Учебный отряд по возможности будут помогать. Наш гарнизон далеко от линии фронта, но немецкие самолёты летают на Архангельск для бомбёжки важных объектов. И уже бомбили нас. Вот это корпус авиационной бомбы, которая не разорвалась. Мы её обезвредили, и корпус поставили рядом со штабом в знак напоминания.

Начальник школы прошёлся вдоль строя, остановился и спросил:

— Есть какие-нибудь вопросы или жалобы?

— Говорят, что нам запретят курить.

Начальник подошёл к месту, откуда был задан вопрос, и сказал:

— Да, флот снял несовершеннолетних с табачного довольствия. Значит, вам запрещается курить. Курящие, поднимите руки.

Оглядел строй и говорит:

— В строю 300 человек, а руки подняли десятка два-три. Значит, курящие должны отвыкнуть курить.

Повернулся к старшине и строго сказал:

— Дьяконов, командуйте!

Строй обогнул приземистую башню справа, потом другую башню — Никольскую. Вопли в ворота — там ниша. Длина ниши метров пять.

Двор небольшой, но это не основной двор, а как предбанник. С правой стороны каменная келья, построенная специально для укрытия поморов в случае какой-либо опасности. Теперь эта келья будет служить матросским кубриком Учебного отряда Северного Флота.

Разместились на сплошных нарах. После короткого отдыха — следующее построение, и строй юнг через вторые ворота вошёл в основной двор монастыря. Юнги увидели могучие сооружения церквей, соборов, колокольни. Строй остановился напротив Успенского собора. В глубь собора вела лестница в десять ступенек. Последовала команда:

— Заходите в помещение. Бегом по трапу!

Традиция во флоте — называть любую лестницу «трапом». Вопли в большое помещение монастырской трапезной. Слева и справа — столы. Посредине трапезной — столб. От столба идут своды влево, вправо, вперёд, назад.

Команда:

— За столы. Садитесь по десять человек!

На обед был борщ из солонины, каша из овсяной крупы и традиционный флотский компот из сухофруктов. Через какое-то время снова команда:

— Встать! Отставить!

По команде «Встать!» должны встать все сразу. Снова: «Встать! Отставить!» И в третий раз:

— Встать! Выходи строиться!

Так начиналось воспитание и привыкание к воинской дисциплине и к воинским порядкам.

Нам представилась возможность походить во дворе монастыря, посмотреть сооружения. Все храмы и постройки соединены каменной галереей. Соловецкий монастырь сложился единым ансамблем со своими архитектурными особенностями и стал самым могущественным и влиятельным на Руси. Строения обветшали, повсюду подтёки и отслоение штукатурки. Церкви — без крестов, колокольня — без колоколов. Но значимость Соловков не убывала, поскольку с начала 1920-х и до конца 1930 гг. Соловки слыли как «СЛОН» — Соловецкий лагерь особого назначения.

САВВАТЬЕВО

Вскоре первая партия юнг пошла в Савватьево. Расстояние от кремля до Секиргоры 12 км, а там и Савватьево недалеко. Дорога смахивает на просеку. На ней много выемок, колдобин. Очевидно, в своё время расчищали дорогу от камней. Гранитные валуны, большие и маленькие, принесённые в ледниковый период, разбросаны по всему острову. Ближе к морю — березняк.

Школа юнг в Савватьево. Рисунок автора

Стволы берёз изогнуты и скручены холодными ветрами. Дальше от моря в глубь леса — берёзы стройные и высокие. Растут ель и сосна. Стволы не толстые, но высокие — настоящий мачтовый лес. Встречаются небольшие полянки с полевыми цветами. Направо, налево и вдалеке — озёра и озёра. Озёра везде. Большие и маленькие, продолговатые и круглые. Каждое озеро по-своему красиво, отражает полную гамму цветов заходящего и восходящего солнца. Тихо. И даже эти непутёвые ребята идут молча, созерцая красоту земли русской в 150 км от Полярного круга. Здесь работал известный художник Михаил Васильевич Нестеров. Очарованный красотой этих мест, он написал полотна «Молчание» и «Мечтатели».

Подшли к Секир-горе и остановились на привал. Высота горы больше 95 м. На вершине — церковь Вознесения, а в ее куполе — маяк. От Секир-горы через лиственный лес прошли в Савватьево. Это большая поляна, где с одной стороны стоит добротный каменный дом. С другой стороны — деревянный двухэтажный дом. По летописи Савватий и Герман в XV столетии на этом месте установили крест и поставили хижину. Этим и положили начало постоянного места жительства на Соловецком острове. Каменный дом — это скит. Вход — по центру дома по ступенькам каменной лестницы. С задней стороны

дома — глухая стена. Там уже стояли торцом к стене обеденные столы. Столы сколочены из досок со скамейками человек на двенадцать. С задней стороны деревянного дома сделана пристройка. Называется камбузом. С печами, котлами и всякими причиндалами для кухни. Старший кок — москвич. Он и сейчас живёт в Москве. В 1970-е гг. приходил на встречу с юнгами в Парк культуры и отдыха им. Горького. Вспоминали, как он замахнулся половником на юнгу, который неправильно чистил картошку.

На следующий день распределили юнг по работам. Появился мужчина лет под пятьдесят. Звали его Фёдор. Ему выделили десять человек. Фёдор говорит:

— Дайте ещё двоих на спецзадание.

Некоторые юнги пошли собирать сухие водоросли у берегов моря. Первые наши подушки набивались сухими водорослями. Человек десять, среди которых был и я, послали убирать помещение бывшего скита. Кельи просторные и светлые, но после монахов здесь находились осуждённые. Возможно, были перепланировки. С левой стороны помещения пол немного приподнят. Очевидно, это было моленное место. Никаких лабиринтов, закрытых и забитых помещений не было. Всё прошли мокрыми тряпками и пшаврами. Большой мокрой уборкой, как принято

говорить на флоте — «авралом» — руководил старшина. Говорят, что он и при осуждённых здесь работал. Весь уборочный инструмент отнесли в подполье. Дверь в него — с улицы, с левой стороны от лестницы. В подполье спускаешься по нескольким ступенькам. Внизу уборочный инвентарь поставили справа, а с левой стороны была деревянная дверь. Тяжёлая, потемневшая. Может быть, дубовая. Мы открыли ее и увидели — с правой стороны стоят две тумбы, одна за другой, как два пенёк деревянных диаметром сантиметров 40–50.

С потолка падал дневной свет. Это был карцер на двоих. Я сел на одну тумбу. Но сидеть можно только сгорбившись, поскольку над головой проходил свод потолка. Ноги, не помню, доставали до пола или нет, но внизу растеклась какая-то мокрая жижа.

Лёня Горбунов и Боря Каплан рассказали о выполнении спецзадания.

Фёдор отсчитал 50 метров от ручья, который проходил недалеко от скита к деревянному дому. Сделал разметку и сказал:

— Нужно выкопать траншею, которая может служить окопом, если неприятель будет наступать со стороны леса, или убежищем в случае налёта вражеской авиации. Вот четыре лопаты. Двое должны копать отсюда и отсюда, должны встретиться спинами. Передать лопаты следующим четверым. И так четверо копают, четверо отдыхают. Траншея должна быть длиной 3 метра, шириной метр двадцать, глубиной полтора метра. Землю отбрасывать в сторону леса, чтобы создавался бруствер. Остальных четверых увёл с собой для изготовления распорок. Траншея выкапывалась споро. К счастью, не попадались большие валуны. Четверо юнг с Фёдором начали приносить брёвна — подлиннее и покороче. Принесли четыре доски с полукруглыми вырезами. Когда всё собрали, на траншее оказались шесть круглых отверстий диаметром сантиметров 30. Фёдор сказал:

— Молодцы. Со спецзаданием справились. Теперь это место будет называться гальюном. Запомните, что туалет на корабле называется «гальюном». Любую стройку нужно начинать с построения дороги и уборной, т.е. гальюна.

Построил юнг, объявил им благодарность.

— Защищите в свою первую тетрадку, что получили благодарность за образцовое выполнение спецзадания в августе 1942 г.

Фёдор обладал традиционным флотским юмором. Похоже, послужил в Военно-морском флоте в своё время.

СТРОИТЕЛЬСТВО ЗЕМЛЯНОК

Первые прибывшие в Савватьево юнги расположились в помещении скита и в двухэтажном деревянном здании. Спали на двухъярусных нарах бок о бок. Над головой была прибита доска от стенки до стенки, куда можно было положить какие-то личные вещи.

В процессе поступления юнг в Савватьево были сформированы роты по специальностям. Школа состояла из двух батальонов. Первый батальон — рота радистов, рота рулевых и рота боцманов. Второй батальон — рота артиллерийских электриков, корабельных электриков и мотористов. Командиром второго батальона был старший лейтенант Шипов. Он, фронтовик, ходил с орденом Красной Звезды. Четвёртая рота артиллерийских электриков была оставлена в кремле. Роты в Савватьево должны были построить по пять землянок. Рота состояла из 250 человек. По штатному расписанию в роте было 10 смен. В каждой смене 25 юнг. Сменой командовал младший командир, то есть старшина 1-й или 2-й статьи. Командир нашей 6-й роты корабельных электриков был старший лейтенант Волков. За год до окончания Высшего военно-морского училища Волкова послали на фронт. После ранения — в Школу юнг. Политрук роты — Утримов. Землянки 6-й роты построены у самого берега озера. Озеро, кажется, называлось Красным.

Распорядок дня был один: подъём, небольшая физзарядка, завтрак и строем — к месту расположения землянок. Командиры смен знали расположение своих землянок. Произвели разметку, и юнги начали вгрызаться в грунт. Лопат было достаточно, а вот топоров не хватало. Топором надо было рубить корни кустарников и деревьев. Размер котлована должен быть шириной пять метров, длиной — двенадцать. В грунт нужно углубиться не менее метра. Высота потолка в землянке предполагалась два с половиной метра. Грунт — тяжёлый, почвы мало. На чём только держатся высокие хвойные деревья?! Землянку должны строить две смены, то есть 50 человек, но при разводе юнг посылали на строительство столовой с камбузом и банно-прачечного комбината. Смены постоянно дежурили на действующем камбузе. Грунт отбрасывали в сторону, потом землей насыпали верхнюю часть землянки. Но вот сюрприз: из земли будто бы показалась спина кабана — гранитный валун длиной больше метра. Окопали кругом, а что делать? Подошёл инженер — капитан Камышко. Обычно он давал толковые советы. А сейчас посмотрел, развернул-

ся и, ничего не сказав, ушёл. А вот вездесущий Фёдор посмотрел на всех и говорит:

— Кто выполнял спецзадание, вот тут и копайте!

И очертил, где нужно копать. Сказал:

— Копайте яму до метра, а потом туда и столкнёте.

Яму выкопали, но рабочий день уже кончился. Сейчас пойдём на ужин. После ужина не работали. На следующий день подкопали глубже под валуном. Ну и как сталкивать? Кто-то крикнул:

— Архимед сказал: «Дайте мне точку опоры, и я переверну земной шар!»! Надо работать по закону Архимеда.

Подкопали под валуном с другой стороны, подложили бревно, то есть точку опоры. Но вот лаги подходящей нет. Срубили дерево толщиной сантиметров 20. Отпилили рычаг метра четыре. Подсунули рычаг под валун, и все, кто мог, начали виснуть на нём — толку нет. Начали раскачивать — появилась щель. Это уже результат. В щель затолкали клинья. И так постепенно валун начал приподниматься. И вдруг пополз, но не упал в яму, а встал «на попа». Попытались надавить рычагом, но валун стоит как вкопанный.

Один из командиров смен сказал:

— Слушай мою команду! Всем взяться за это бревно и с размаху резко ударить!

И на этот раз валун не поддался. Старшина говорит:

— Я буду командовать. На распев «Два-а-а» вы готовитесь, и по команде «Раз» делаете выпад ногой вперёд и резко ударяете бревном по валуну.

— Два-а-а. Раз!

Валун дрогнул. И после третьей команды нараспев валун свалился в яму. Оказывается, эта команда не новая. Потом мы узнали, когда начали ходить на шестёрке — шестивёсельном яле. По команде «Два-а-а» — лопасть весла загребает воду. По команде «Раз!» — резкий отталкивающий рывок, и лопасть выходит из воды, весло заносится на следующий гребок.

Через несколько дней мы выкопали котлован размером 5 на 12 метров и в глубину от одного метра до полутора. Можно приступать к сборке каркаса. Аналогичные котлованы были готовы к построению 25 землянок.

Не дети, а вполне здоровые 15–16-летние парни с энтузиазмом и задором врзались в соловецкую землю не только в ожидании зимних холодов, но и осознавая свою принадлежность флоту, надев на себя всепобеждающий символ — тельняшку. Ещё Наполеон говорил: «Самый лучший солдат — это солдат в шестнадцать».

В сентябре начали собирать каркас землянки. По периметру котлована нужно установить 20 стоек-столбов. Валить лес не пришлось. Очевидно, из Архангельска привезли трёхметровые брёвна толщиной 15–20 см. Таких заготовок ушло на землянку 40 штук. А на 25 землянок — нужно тысячу. Столько леса повалить юнги не могли. Одновременно началась учёба. По приказу наркома занятия должны начаться 1 сентября. Все эти стойки, то есть вертикальные крепления, на корабле называются «пиллерсами». Эти столбы связывались необработанным тёсом. Продольные крепления на кораблях называются «стрингерами». Верхняя часть левых и правых стоек пиллерса соединялась двумя брёвнами с небольшим наклоном. Поперечные крепления на корабле называются «бимсами». Всё это связывалось тёсом, верх накрывался рубероидом. Левая и правая стенки и крыша засыпались землёй, мохом и строительными отходами. Внешне сооружение напоминало большой сельский погреб. Стены изнутри и потолок на корабле называются «подволоком». Всё это обшили струганным тёсом. Навесили дверь и сделали порог. Этот выступ, то есть порог, на корабле называется «комингсом». Так совмещалось строительство с обучением морской терминологии.

Архитектор спланировал шесть спальных мест, вытянутых по левому и правому бортам. Нижние спальные места устроены на расстоянии 30 сантиметров от пола. Средние и верхние спальные места — в 70–80 сантиметрах друг от друга. По левому и правому борту спланировано 36 коек. К передней стенке торцом встроили три спальных места и соответственно над ними ещё два верхних яруса. К задней стенке аналогично — две койки и над ними два яруса. Землянка спроектирована и построена на 50 спальных мест. В дальнем левом углу сложили кирпичную печь — колонкой. А справа у входа поставили металлическую печь-буржуйку. Перед входом в землянку был тамбур. Свет в землянку проникал через узкие стеклянные рамы под потолком. Когда начала работать электростанция, в каждой землянке зажглись две электролампы.

БАНЯ

После земляных работ и отдыха на нарах бок к боку, как кильки в банке, в отсутствие элементарной гигиены, бани ребята стали ощущать, мягко говоря, дискомфорт. Это уловили командиры, и немедленно прибыла бригада санобработки. В камеры санобработки бросали всё, где могли быть насекомые. Недалеко от Секир-горы стояла баня, сложенная из валунов. Баню привели

в порядок, и роты юнг поочередно начали мыться. Одна из смен назначалась дежурной. Она должна напилить, наколоть дров, наносить воду, чтобы в чанах была горячая и холодная вода, чтобы обрезы — так на флоте называют шайку и тазик, — были чистыми.

На этот раз дежурила наша смена. Командир смены — Баранцев. И опять появился Фёдор. Он, как вольнонаёмный при гарнизоне местный житель, был человеком рукастым и сообразительным. Он и приводил в порядок баню, чтобы не дымила и никто не угорел. Дежурная смена мылась последней. Во время мытья юнг вошли Баранцев вместе с Фёдором. Фёдор набрал в обрез воды, плеснул ладонями на голову и начал мылиться. Когда Фёдор обрез с водой опрокинул на голову, я посмотрел на его грудь и обомлел. Ребята тоже притихли и устремили взоры на Фёдора. Фёдор открыл глаза и обнаружил, что на него все смотрят широко открытыми глазами, а некоторые — и с открытым ртом. Он стоял молча, опустив руки. Трудно было разоблачить: то ли с головы текли струйки воды, то ли из глаз — слёзы. Его лицо окаменело, взор поник. Он весь ушёл в воспоминания своих тяжёлых, трагических лет жизни. Потом как будто очнулся, неловко сказал:

— Ну, хватит, домывайтесь, нужно баню закрывать.

Юнги домылись, привели баню в порядок. Баранцев построил свою смену и повёл в роту. Фёдор остался закрывать баню.

На груди у Фёдора была искусно выполнена татуировка. Судя по качеству рисунка, её могли выполнить только в Японии и в Китае, а если на Соловках, — только японец или китаец. На груди Фёдора были изображены профили вождей мирового пролетариата: Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Чуть ниже — эсминец двухтрубный и выбиты слова: «Боже, храни моряка». Странное сочетание.

Баранцев поведал нам, что Фёдор служил на одном из эсминцев в Кронштадте. Был участником Кронштадского мятежа в марте 1921 г. Мятежники были жестоко подавлены. Только в Финляндию тогда ушло восемь тысяч моряков. Фёдор не был активным мятежником и его отпустили домой. Сказали: «Не болтать!» В конце 1920-х или начале 1930-х Фёдора осудили и отправили в лагерь. Здесь он отсидел срок и остался жить на Соловецком острове. Жизненные пути неисповедимы: Фёдор случайно встретил мичмана, с которым был знаком ещё в Кронштадте. Этот мичман служил в Соловецком гарнизоне после закрытия тюрьмы и открытия Учебного отряда Северного флота. В 1922–1924 гг. он

был командиром курсанта Николая Кузнецова. Сейчас Николай Герасимович Кузнецов — народный комиссар ВМФ. Этого мичмана я помню. То ли в Савватьево, то ли в кремле видел его. У него на левом рукаве кителя — три шеврона. Каждый шеврон нашивался за 5 лет сверхсрочной службы.

Мы задали вопрос Баранцеву:

— Товарищ старшина, скажите, по какому поводу у Фёдора на груди татуировка вождей мирового пролетариата?

Баранцев говорит:

— Это своего рода защита от вышки. «Вышка» — расстрел. Бытует версия среди уголовного мира, что большевики не стреляют в изображения своих вождей. Эта татуировка не нова. Она распространена среди уголовников.

УЧЕБА И БЫТ

В сентябре юнги перешли жить в землянки. Но еще в октябре обедали за столами у скита, порой под дождём, стоя. Одновременно с началом строительства юнгами землянок командование Соловецкого гарнизона распорядилось построить столовую и банно-прачечный комбинат между плацем, где располагались землянки в Савватьево, и скитом. Во второй половине октября был поставлен добротный рубленый дом, и юнги начали принимать пищу в тёплом светлом помещении. В ноябре начал функционировать банно-прачечный комбинат, где была баня с холодной и горячей водой, место для стирки и сушка белья. Электростанция обеспечивала освещение во всех помещениях. В результате построен городок, где можно готовить специалистов нужного профиля.

В ноябре 1942 г. юнги приняли присягу Советской Родине:

— Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Рабоче-крестьянской Красной Армии, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным бойцом... Если я нарушу эту торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся.

Плановые занятия проходили, в основном, в землянках. Скит впоследствии стал учебным корпусом. В двухэтажном деревянном доме размещались преподаватели и командиры школы. Пятая рота мотористов и шестая рота корабельных электриков прослушали лекции и получили теоретические знания по своим специальностям. Но чтобы получился хороший, знающий специалист, нужно овладеть умениями и получить навык в эксплуатации сложной корабельной техники.

Таких условий в землянках и в скиту не было. Командир школы и командование Соловецкого гарнизона приняли решение перевести пятую и шестую роты из Савватьево в кремль, где есть соответствующие лаборатории и стенды образца корабельных систем. В один из январских дней юнги 5-й и 6-й рот собрали незамысловатые вещички в вещмешок и попрощались с землянками. Я стоял перед своей землянкой и думал: какому коллективу, в какие руки попадёт вот это выстраданное детище.

Пошли обратной дорогой. Она пролегла не по просеке, а по снежной целине. Строй из 500 юнг дошёл до поворота налево и до кремля за направляющими. Сколько шли времени, не помню, но долго. Дошли все, никого не потеряли. Шестая рота разместилась в глубине кремля рядом с монастырской мельницей. Во дворе валялись жернова. Уже позже узнали, что в стене рядом с нашим зданием находились каменные мешки.

Разместились в комнате. Раньше эта комната была кельей, потом — камерой для арестованных. Теперь эта камера будет служить кубриком для юнг. В дверях — круглый глазок для наблюдения за арестованными. Но дня через три дверь сняли и куда-то унесли, так что наши кубрики стали открытыми. Обучались в новых, более совершенных условиях.

МОРСКАЯ ПРАКТИКА

Весной, как только прибрежные воды моря освободились ото льда, стали ходить в шестивёсельном яле на вёслах и под парусами. Это обучение отслеживал сам начальник школы Николай Юрьевич Авраамов, автор нескольких книг по морской практике и шлюпочному делу. Однажды высадились на одном из островов архипелага. Командиром в шлюпке был старшина Юшин, боцман с погибшего эсминца «Стремительный». Шлюпку втащили далеко к заросшей кустарником сопке. Сделали привал. Брусника с черникой увлекли ребят в глубь острова. Через какое-то время вернулись к шлюпке. Под ней уже слегка плескалась вода. Приливы и отливы Белого моря разнятся по времени суток и достигают до двух с половиной метров. Нам понадобилось только толкнуть свою шестёрку, и она оказалась на плаву. Боцман положил руку на румпель и скомандовал: «Табань!» Шлюпка отошла от берега, и снова: «Два-а-а. Раз! Два-а-а. Раз!» Когда идёшь на вёслах, то смотришь на спину загребного. Всё внимание сосредоточено на команде «Два-а-а!» И не видишь красоту водного простора Белого моря, сливающегося на горизонте с небом такого же

И.В. Дудоров. Конец 1940-х гг.

цвета. Но вот — команда боцмана: «Суши весла! Ставить мачту! Пойдём под парусами».

Вёсла убраны, мачту поставили, подняли паруса. Гребцы скользнули с банки на рыбины (сиденье на шлюпке называется банкой, а настил на дне шлюпки — рыбиной). В руках уже не вёсла, а шкоты, посредством которых управляют парусом. И вот теперь взгляд устремился на зыбкое волнение моря. Цвет воды меняется от лазурного до зеленоватого. Слабый зеленоватый цвет придаёт воде холод и прозрачность. Просматривается подводный рельеф и кажется: вот-вот наскочишь на подводную скалу, но до неё метры, метры, метры. Соловецкие юнги служили на всех флотах нашей страны. И как скитальцы морей отдают должное Белому морю. Белое море подобно купели окрестило и благословило их на ратную морскую службу своей Родине. Оно по своему красиво, не сравнимо ни с какими другими водоёмами планеты. Где бы ни плавали, ни ходили скитальцы, и поныне их влечёт к порогу родного дома — бухте Благополучия на Большом Соловецком острове.

В конце лета в программу учёбы юнг были включены практические занятия по пехотному уставу. Это на случай необходимого участия в бригадах морской пехоты. Во время занятий юнги преодолевали препятствия по-пластунски и бросали в цель гранаты, деревянные учебные. Дабы придать серьёзность занятиям, инструктор

Юнги-ветераны на Соловках. Фото 1980-х гг.

бросил настоящую гранату РГ. Она наносит смертельное поражение на расстоянии до 5 м и применяется в наступательных боях. В оборонительных боях используется граната «лимонка». Её осколки наносят смертельное поражение на расстоянии до 200 м. Это всё было в программе юнг первого набора.

ЛЕСОПОВАЛ

Перед расписанием юнг по флотам провели лесоповал. Завалили несколько деревьев. Это была заготовка дров для следующего набора юнг.

Лесоповалом руководил Федор. Сделал насечки на стволах деревьев, которые должны быть спилены, насечки означали и место запила, поскольку ствол спиленного дерева должен упасть в определённом направлении, не зависнуть на кроне соседнего дерева. Федор подходил к каждой паре пильщиков и говорил, под каким углом надо пилить, чтобы надпиленный ствол не защемил полотно пилы. Ранцев (командир смены) сидел на пне и не вмешивался в указания Федора. Он, бывший электрик на подводной лодке, мог с увлечением рассказывать, как нужно манипулировать переключателями при подходе и швартовке подводной лодки к пирсу или причальной стенке, но сейчас молчал.

После завала нескольких деревьев Федор крикнул:

— Перекур!

Все уселись на спиленный ствол дерева. Федор, по-моему, не курил. Закурили юнги. Их недавно поставили на табачное довольствие. В первый раз раздали в пачках махорку «Зайчик», а потом — рассыпную из мешка. По настоящему ещё никто не курил, но перед отдыхом по традиции раздавалась команда: «Перекур!»

Женька Зинаков обратился к Федору:

— Товарищ старшина, — так он его назвал и, наверное, правильно, — у вас красивая с золотистой проседью борода. А почему нет усов? Почему вы не отрицаете усы?

Лицо Федора окаменело. Ни один мускул не дрогнул. Какое-то время смотрел в одну точку. Потом блеснула в глазах то ли улыбка, то ли усмешка. И Федор сказал, что он не имеет права отрицать усы. Никто больше вопросов не задавал.

Федор сам выговорился:

— Я усы проиграл. Проиграл в карты.

Встал, с размаху всадил топор в ствол дерева, на котором сидел и начал говорить:

— Последние годы перед войной на Соловках была тюрьма СТОН, т.е. Соловецкая тюрьма особого назначения. А тюрьма и лагерь для осуждённых это две большие разницы, как в Одессе говорят. В лагерях осуждённые работают. Они строят дороги, каналы, заводы, подчас и работают на этих заводах. За перевыполнение плана на счёт осуждённого переводятся деньги. Они могут на определённую разрешённую сумму кое-что купить в лагерном ларьке. На таких грандиозных стройках, как Беломорканал, Комсомольск-на-Амуре за трудовые показатели осуждённые представлялись к государственным наградам и досрочному освобождению. Они начинали нормальную общественно-трудовую деятельность в обществе.

Чувствовалось, что нервный срыв у Федора прошёл, он успокоился, сел и продолжил рассказ:

— В тюрьме осуждённые сидят в камере под наблюдением надзирателей. Для коротания времени заключённые, как правило, играют в азартные игры, в карты. И если колоду карт в камеру не удаётся пронести, то уголовники их делают сами. И я — картёжник. Всю жизнь играл, начиная с Кронштадта, когда корабли были на приколе без снабжения и без дисциплины. Я любил безумный азарт. Иногда, как швед, прогорал, но сухим выходил из воды. Но однажды я так проигрался,

что на карту поставил — усы. Банкир положил карту на мой крестовый туз, и я с замиранием сердца начал медленно тянуть. И вот — валет — этот предвестник краха. У меня пересохло во рту. Но не останавливаться же на чёртовой дюжине. Протянул руку и говорю: «Ещё!» И эта карта открылась десяткой. Перебор! Я бросил карты и машинально опрокинул стол. Ринулся к двери. А в дверях стоял надзиратель...

Федор, как актёр, поник, съёжился. Руки повисли, словно плети. Долго молчал. И все молча смотрели на него. Потом он встал и довольно-таки бодро сказал:

— Не советую вам садиться за азартные игры. Хотя от суммы и тюрьмы гарантии нет.

Это Федор сказал в 1943 г., а я вспоминаю и записываю его слова на магнитофон в 2011 г. Знаю, что некоторые подростки-юнги впоследствии стали известными людьми. Адмиралом — Вадим Коробов, генералом — Владимир Махнаткин, учёным — Николай Махоркин, писателем с мировым именем — Валентин Пикуль, народным артистом — Борис Штоколов, киноактёром — Виталий Леонов, заслуженными художниками — Евгений Рязев, Юрий Мошкин, другие — командирами кораблей и руководителями производств. Но многие юнги не дослужили и до звания матроса. Над ними воды морей сомкнулись там, где они участвовали в боевых операциях. Некоторых соловецких юнг коснулась судьба, подобная Федору, с одним из них я встречаюсь и сейчас. Ему пришлось как осуждённому отработать энное количество лет на стройках государственного значения.

ЮНГИ-ВETERАНЫ

В 1967 г. я посетил Соловецкие острова как турист и пошёл к Красному озеру, где располагались землянки 6-й роты. Всё заросло кустарником, деревьями, но вот — котлован, где стояла моя землянка. Постоял в воспоминаниях, отщипнул полусгнившую щепку от торчащей доски и привёз её в Москву. Сейчас эта щепка хранится у меня в стеклянной банке из-под майонеза.

В июле 2002 г. госпитальное судно Северного флота «Свирь» отошло от причала лесобиржи, прошло по Северной Двине и в Белом море взяло курс на архипелаг Соловецкие острова. При виде серо-голубой дымки, крестов и шпилей соборов Соловецкого монастыря капитан судна поставил ручку телеграфа на «стоп». Судно легло в дрейф. Дана команда:

— Флаг приспустить! Урну с прахом бывшего соловецкого юнга Олега Копинского на вечное захоронение в водах Белого моря — опустить!

Урна с прахом стала на мёртвый якорь. Капитан дал малый ход вперёд. Протяжно прозвучал прощальный судовой гудок. «Свирь» медленно удалялась от венка из живых цветов. Большие серые беломорские чайки, словно на бреющем полёте, пролетали над венком, взмывали ввысь, издавая гортанные крики. Судно взяло курс на Соловецкие острова. Рулевой ориентировался на купол надвратной церкви, словно на створ. Судно вошло в бухту Благополучия, отшвартовалось левым бортом. Подали трап, и ветераны стали медленно сходить на пристань. Некоторые держали в руках носовой платок, которым то ли вытирали пот со лба, то ли смахивали слезу со щеки. Бывшие соловецкие юнги⁵: Пётр Царьков, Евгений Гулин, Владимир Махнаткин, Игорь Перетрухин, Константин Юданов, Виталий Леонов, Анатолий Машков, Борис Каплан, Борис Макейчик, Виктор Максимов, Евгений Баранов, Велен Казорин, Николай Канапенков сошли на пристань, на которой в июле 1942-го старшина 2-й статьи Дьяконов стал лицом к штабу, вытянул левую руку и скомандовал повелительным баритоном: «Становись!..»

Дудоров Иван Васильевич

Родился 17 июня 1926 г. В июле 1942-го был принят в Школу юнг ВМФ, которая дислоцировалась на Соловецких островах. В 1943 г. направлен на Краснознамённый Балтийский флот. Участвовал в боевых операциях в составе Истребительного отряда «морских охотников». Демобилизовался в 1953 г. По окончании вечерней школы молодёжи по ускоренной программе он поступил в институт радиовакуумной техники. Работал техником, инженером, начальником лаборатории, начальником отдела в НИЦЭВТЕ (Научно-исследовательском центре электронно-вычислительной техники) до 1990 г. Награждён тремя орденами Советского Союза, медалью Ушакова, имеет знак «Изобретатель СССР». В возрасте 70 лет начал заниматься живописью.

⁵ Юнги первого набора. К моменту публикации воспоминаний их уже нет в живых.